

Среда, 1 декабря 1937 г., № 55 (401)

Трибуна

О творчестве Ливанова

Основной чертой послереволюционного поколения русских актеров является четко выраженная индивидуальная окраска их дарований (я имею в виду наиболее талантливых представителей). Но все же, не так то просто мерять их привычной меркой, определять их амплитуду, как этого, может быть, хотелось бы иным теоретикам театра. Мне вообще не совсем понятно стремление многих критиков раз и навсегда очертить точные границы дарования каждого актера. Дело вовсе не в том, чтобы разложить каждое художественное явление на основные элементы, наклеить соответствующие ярлычки и расставить по полочкам. Жизнь гораздо сложнее, чем это кажется некоторым критикам. Дарование каждого большого актера не укладывается в традиционные рамки амплитуды. Как бы вы ни пытались «заколотить его в бутылку», всегда сохраняется какой-то неразложимый остаток, не поддающийся точной регистрации.

Обозревая мысленно густую и яркую толпу передовых талантливых актеров, завоевавших себе прочное место на советской сцене за последние 20 лет, я должен, желая остаться справедливым, сказать, что одним из самых ярких и многообещающих актерских дарований является Борис Ливанов. Что заставляет меня так думать? А то, что, как бы хорошо или как бы посредственно иной раз ни играл Ливанов, у меня как у зрителя всегда остается впечатление, что актер раскрыл себя в данном образе далеко не целиком. У Ливанова очень много скрытых актерских возможностей, — внешних и внутренних, — утапливаемых, однако, мною, зрителем, и актером.

Ливанов не только актер «пуга». Это — вдумчивый, требовательный к себе художник. Поражает необыкновенная глубина и темпераментность создаваемых им образов. Работая над ролью Бондзена или над ролью Кудряша, над причудливым образом Ноздрева или над острой, как талантливый плакат, но живой и эмоциональной фигурой Шванди, Ливанов никогда не впадает в штамп.

Актерский глаз его чрезвычайно вороч. Он следит за всей внутренней жизнью героя, а не только за его внешними чертами. Я постоянно наблюдаю за Ливановым. Меня восхищает его горячий, напористый, кипучий темперамент. На репетициях бывает, что он пытается овладеть основной характеристикой образа снелету, с первого же раза. Часто это удается актеру. Тогда весь оставшийся период работы над ролью посвящается доделкам и отшлифовке деталей. Но иногда Ливанов, уже набросав контуры образа очень экспрессивными и резкими чертами — мы все тогда лобуемся им на репетициях, — вскоре охладевает к собственному эскизу и начинает все сызнова, пробуя порою диаметрально противоположные «подходы». Так он работал над ролью Шванди. Несомненно, Ливанов подчас излишне увлекается внешними деталями, но, конечно, не это является основным методом его творчества.

В Ливанове рядом с актером уживается живописец, наделенный острой наблюдательностью и колористическим темпераментом. Он чувствует вкус к картинности, к живописной четкости и выразительности образа. Но нельзя объяснить эту любовь к пластической ясности непобедимым пристрастием к исключительно внешней форме и внешней характеристике. Д. Тальников в своей статье «Призвание актера» выразил ряд весьма спорных суждений об актерской природе Ливанова. Это обидно потому, что т. Тальников — опытный критик и должен бы судить об актере с большей глубиной и обоснованностью. Безусловно, сценическая наружность актера порой обманчива, но критик не должен увлекаться случайными наблюдениями. Я бы сказал, что на деталях останавливаются критики, не желающие искать обобщений. Сила Ливанова в роли Бондзена не во внешней детализации образа, а в предельно острой передаче его психологической сущности. Ливанов играет в этой роли отнюдь не любовника, а пошляка, удачливое ничтожество, антитезу Ивара Карено. Понять это следовало не по одной детали. Дело вовсе не в том, что Ливанов, целуясь с Элиной, сканивает глаз в сторону: не идет ли муж. Идея «пошляка» воплощена Ливановым с необычайным внутренним тактом на протяжении всего спектакля. Это очень трудная задача — играть с необходимым тактом роль нахала, пошляка, глупца...

Пошляка иной формации, иной психологической структуры изобразил Ливанов в роли Ноздрева. Положение Ливанова было здесь тем более трудным, что ему приходилось дублировать такому крупному мастеру сцены, как И. М. Москвин. Москвин принадлежит к актерам, забирающим всегда «в глубину». Казалось, он исчерпает все возможности, имеющиеся в роли. Однако, Ливанов не повторил Москвина, а создал самостоятельный рисунок образа, замечательный по остроте, выразительности и психологической правде. Он захватывает зрите-

ля своей свежестью, сочной живописностью, юмором и убедительностью.

Ничего не любя, на сцене ничего и создать нельзя. «Амплитуда» ливановского репертуара кое-кому кажется иногда идущей от излишества актерского темперамента. Но это не так. За кажущейся разбросанностью Ливанова таится всегда настороженная, интенсивная внутренняя сосредоточенность. В Ливанове живет какой-то неумный актерский «дьявол», не знающий успокоения. Он пробует много и разнообразное потому, что он вечно ищет. Источники его актерской фантазии кажутся мне неиссякаемыми.

Ливанов знает, конечно, и поражения. Их не знают только бесталанные счастливицы и Бондзены. На сцене от победы к победе идет только тот, кто не страшится поражений. Возможно, что Кудряш является неудачей Ливанова. Но тогда нужно сказать, что вся постановка «Грозы» была неудачным экспериментом в жизни Художественного театра. Я сам играл роль Дикого десятки раз, но никогда не играл так плохо, как в этой постановке. Надо честно признаться, что пьеса была трактована режиссером неверно. Общая атмосфера оказалась, конечно, и на игре Ливанова. Очень может быть, что Ливанов играет в «Грозе» не подлинного героя Островского. Но это не означает искажения или обеднения образа.

Ливанов любит юмор. Даже сатира его (Ноздрев, Бондзен, частично Риппафрата) незлобна. Она пронизана мягким юмором. Ливанов смеется, но не издевается над своими героями, но это ничуть не ослабляет силы созданных им образов.

Законно и уместно спросить: а может ли этот артист когда-нибудь вызвать слезы у зрителя? Теоретики тут сразу же заговорят о непреложных законах актерских амплитуд. Я не верю в эту театральную метафизику. Я никак не могу сказать про Ливанова, что знаю его актерские возможности до предела. Думаю, что он и сам их еще не знает.

Театр, который его воспитал, не должен навсегда замкнуть его в рамки «характерного амплитуды», как бы широки они ни были. Ливанов неподражаемо изобретательный и бесконечно темпераментный артист. Его темперамент требует выхода в самых неожиданных направлениях. Я отнюдь не буду удивлен, если когда-нибудь зрительный зал будет потрясен волнением и заплачет над судьбой Чацкого или Ромео, и эти слезы исторгнет у зрителей «характерный актер» Ливанов. Театру надо рискнуть. Актерский материал в данном случае вполне оправдывает такой риск.

Ливанов не из тех актеров, которые блещут «внешней культурностью». Но на самом деле круг его внутренних интересов необычайно широк. Он очень талантливый живописец, карикатурист, театралный художник. Он проявил себя необычайно острым, тонким и беспощадным мастером шаржа. Ему поручено оформление «Ревизора» в Малом театре. Я считаю, что он призван воскресить славные традиции живописной театральной реалистической декорации. Ливанов много читает и пишет. Статья Ливанова о его покойном учителе Певцове обнаруживает в авторе значительную способность к обобщениям и критическому анализу.

Я люблю сочной и темпераментной игрой Ливанова в «Любови Яровой», «Мертвых душах», «У врат царства» и в других спектаклях. Но будущее актера Ливанова безусловно ярче, чем нынешние суждения о нем. Я верю в него, в еще не осуществленные огромные возможности этого замечательного русского актера октябрьского поколения...

Народный артист СССР

М. ТАРХАНОВ.